

Д. В. Грибанов, А. А. Соловьёва
Уральский государственный юридический
университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

**ПРАВО КАК «ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ ПОРЯДКА»
(В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ
С. С. АЛЕКСЕЕВА И М. К. МАМАРДАШВИЛИ)**

Авторы анализируют тексты выдающихся деятелей юридической науки – С. С. Алексева – и философской мысли – М. К. Мамардашвили – и на основе этого пытаются выявить возможные точки пересечения в исследовании особенностей социального регулирования. Речь идет о конкретном высказывании С. С. Алексева, в котором он, ссылаясь на работу М. К. Мамардашвили, предлагает рассматривать право в качестве «онтологической абстракции порядка». Учитывая различия в применяемых философской и юридической науками методах, авторы статьи последовательно ставят и решают три вопроса, проецируя их сначала на плоскость философии (цитируя М. К. Мамардашвили), а затем – на плоскость права (цитируя С. С. Алексева). Первый вопрос: что означает «онтологическая абстракция порядка»? Второй: что понимается под абстракцией в «онтологической абстракции порядка»? Третий: что такое «самовоспроизводимый порядок» применительно к «онтологической абстракции порядка»?

Делается вывод о том, что комплексный подход к освоению юридической действительности дает возможность рассматривать научную проблему «право как нормативная система» под разными углами зрения. Это расширяет представления о самом предмете исследования, делает его понимание более глубоким, а также позволяет пролить свет на некоторые аспекты творчества С. С. Алексева и М. К. Мамардашвили.

Ключевые слова: философия права, право, нормативность, социальное регулирование, правовое регулирование, правовая норма, законодательство

Для цитирования

Грибанов Д. В., Соловьёва А. А. Право как «онтологическая абстракция порядка» (в контексте научных трудов С. С. Алексева и М. К. Мамардашвили) // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 4–10. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-4-10.

УДК 340.112

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-4-10

В «Восхождении к праву» С. С. Алексева высказал одну мысль, которая всегда казалась не просто интересной, но загадочной и интригующей. Сам автор назвал ее «конструктивной идеей», «достойной обстоятельной проработки» [Алексеев 2010b: 53], а в работе «Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования» – даже «интересным поворотом мысли» и «поводом для размышления» [Алексеев 1999: 317]. Нельзя ли посчитать ее также поводом провести небольшое исследование, тем более, как отмечал сам автор, «...препятствий

для этого, на мой взгляд, нет» [Алексеев 2010b: 53]?

Речь идет вот об этом абзаце: «Интересную трактовку воспроизводства в социальной сфере дает М. К. Мамардашвили. Он полагает, что, по Канту, например, вся проблема просвещения есть проблема „самоподдержания разума“. И сразу поясняет – „самоподдержания онтологических абстракций порядка. И в этом смысле истина не есть проблема соответствия или адекватности (что относится к знанию, к знаково-логическим структурам знания), но проблема воспроиз-

водства, или самоподдержания, некоторого порядка“. Нет ли оснований с подобных же позиций рассматривать также и право? Если подобные основания существуют... то право с таких позиций предстает в качестве онтологической абстракции порядка» [Алексеев 2010b: 53]. Следует отметить, что С. С. Алексеев неоднократно анализировал выводы М. К. Мамардашвили, называя его «замечательным философом нашего времени» [Алексеев 2010a: 213].

Понимание права как «онтологической абстракции порядка» ставит ряд вопросов, на большинство из которых, думается, ответил сам С. С. Алексеев, хотя, возможно, и не на все. С этим и связано утверждение о необходимости «тщательной проверки» и «научной отработки» как самой идеи признания за правом значения «механизма воспроизводства данного социального строя», «так и выводов теоретического и практического порядка, из нее вытекающих (в том числе определение социальной ценности права, стратегии законодательства)» [Алексеев 2010b: 52]. И хотя такие изыскания в нашем случае действительно чаще всего «не создают новые смыслы, а только их поверхностно множат» [Малинова 1995: 41], самостоятельный интерес представляет обращение к текстам, над которыми, возможно, размышлял С. С. Алексеев.

С точки зрения методологии, строго говоря, само построение настоящей статьи и необходимость «держаться перед собой» две ортогонально расположенных друг к другу плоскости, философскую и юридическую, проецируя на них представления, которые только на первый взгляд кажутся сходными, – могут вызвать непонимание и, действительно, весьма уязвимы для критики. Однако радикальные изменения, происходящие в науке, в том числе в юридической, с последней трети XX в. [Хабриева, Черногор 2020: 74], новый тип научной рациональности – постнеклассическая наука – ориентируют исследователей на освоение сложных, саморазвивающихся систем, открытых к окружающей среде. Эти системы занимают доминирующее положение среди объектов изучения и практического освоения [Стёпин 2018: 24].

Сегодня, «чтобы понять науку, приходится отодвинуть на второй план когда-то фундаментально важные для нее понятия, а сосредоточить внимание на формирующемся

у нас на глазах новом поле исследования» [Маркова 2013: 166]. Именно эта современная гибкость философского и юридического познания, понимание права и юридической науки как сложных, но открытых систем, а также неподдельный интерес к творческому наследию великих деятелей юридической науки – С. С. Алексеева – и философии – М. К. Мамардашвили – объясняют выбранный авторами подход.

Итак, в связи с изложенным предлагаем поискать ответы на три вопроса, вызванных идеей понимания права как онтологической абстракции порядка, и проецировать их сначала на плоскость философии (цитируя М. К. Мамардашвили), а затем – на плоскость права (цитируя С. С. Алексеева).

Первый вопрос: что означает «онтологическая абстракция порядка»?

Отвечая на этот вопрос, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Содержание самого понятия «онтологический», предмет онтологии для целей настоящего исследования должны толковаться наиболее широко: и как «все универсальные определенности бытия, находящегося за границами человеческого сознания», и как «определенности, общие явлениям как объективного, так и субъективного мира (и там, и там есть свойства, отношения, необходимости, случайности и т. п.)» [Левин 2007: 23].

Именно такой подход позволяет говорить об онтологических категориях и наиболее согласуется со следующим пояснением М. К. Мамардашвили: «Мы обычно применяем слово „абстракция“ в гносеологическом смысле слова – а всякий закон есть продукты абстракции – и, гносеологически поняв абстракцию, относим ее к понятийным содержаниям нашего знания. Я же, говоря о существовании законов, применяю слово „абстракция“ в онтологическом смысле слова, что, конечно, очень странно. Попытаюсь это пояснить через пункт, который я хочу ввести. Я имею в виду не закон, а *существование* закона в смысле феноменологической абстракции, или феноменологического сдвига. То есть я предполагаю, что в нашей социальной, исторической жизни есть *реальная* абстракция закона, реальное абстрагирование порядков, которые отвлечены, или работают отвлеченно, или параллельно, или рядом с идущими натуральными

процессами. Это как бы подвешенные порядки, по отношению к которым не имеет значения то, что продолжает происходить рядом» [Мамардашвили 2019: 212–213]. И далее: «Я говорил, во-первых, что то, что мы называем историческими законами, – это некоторые абстракции порядка не в гносеологическом, а в онтологическом смысле слова, что узлы сети, узлы ткани – они сами упорядоченные объекты, порождающие, в свою очередь, структуриацию, или структурированные упорядоченные явления. Здесь это именно не абстракция, а они как бы отвлечены от всего остального, то есть все остальное по отношению к ним не имеет значения, хотя и продолжается» [Там же: 250].

Естественно, речь идет не о юридических законах, не о праве, а о неких общих социальных и исторических законах, но вот что уже о праве писал С. С. Алексеев: «И благодаря именно праву, рассматриваемому преимущественно (в развитых юридических структурах) в единстве с законом, достигается такое положение вещей, когда данная общественная система, не меняя своих качеств и особенностей, „крутится“ и „крутится“ в заданном режиме своего информационно-организационного построения». При этом указанная особенность права «имеет как стабилизирующее, так и консервативное (и не только в строго научном смысле) значение»: «позволяет не только сохранять в жизни людей устойчивые, проверенные жизнью, твердые начала, но и, увы, „увековечивать“ отжившие или изначально неразумные порядки и режимы, становится труднопреодолимой преградой на пути прогрессивного развития общества» [Алексеев 2010b: 52].

Второй вопрос: что понимается под абстракцией в «онтологической абстракции порядка»?

М. К. Мамардашвили рассуждал так: «Следовательно, это не абстракция по отношению к миру, который рассматривается как спектакль (вот взял предмет и мысленно абстрагировал от него какое-то свойство), а я имею в виду феноменологический план существования – существование абстрагируемых порядков, и, конечно, абстрагирование порядков не есть нечто статичное, а есть нечто динамичное, то есть я приписываю динамический характер самим законам, а не их содержанию. Формулировка самого закона

может относиться не к динамическим зависимостям, динамично само существование закона и то структурирующее, или упорядочивающее, действие, которое закон своим существованием производит на свою среду, то есть на среду, от которой закон отвлечен. И поэтому все эмпирические явления могут рассматриваться уже как произведенные законом. Те мысли, которые у нас рождаются в силу того, что мы установились в отвлеченном, онтологически абстрагированном существовании порядка, будут другие, нежели те, которые породились бы стихийным ходом вещей. Это будут эмпирические явления, порождаемые законом» [Мамардашвили 2019: 214].

С. С. Алексеев писал об абстрактном характере права так: «Значение „абстракций“ в сфере юридической материи замечено уже давно. Но опять-таки... они трактовались и по большей части трактуются до сих пор всего лишь в качестве элемента одной лишь „юридической техники“, имеющей в основном значение в законоподготовительных работах, при формулировании юридических норм в текстах законов („абстрактный“ и „казуистический“ способы изложения правового материала. Между тем нормативные обобщения („абстрактный способ изложения“) – это не нечто внешнее к правовому материалу, а... само содержание позитивного права, существенная сторона его организации, касающаяся к тому же позитивного права на весьма высоких стадиях его развития» [Алексеев 2010b: 216].

Третий вопрос: что такое «самовоспроизводимый порядок» применительно к «онтологической абстракции порядка»?

С позиции М. К. Мамардашвили, «следующей чертой закона законов является то, что исторические законы обладают определенным парадоксальным свойством, а именно таким, что закон описывает в своих законоподобных терминах то состояние дел, которое он и производит, то есть законы не есть описание какого-то и еще другого предмета или заключенного в мире спектакля. Мы имеем дело, повторяю, с такими законами, которые сами описывают то состояние дел, которое они и производят своим действием или существованием. Тем самым они и неизменны, потому что я само производимое описываю в терминах закона, и поэтому в рамках этого описания я по определению не

могу ставить вопрос, откуда произошли сами термины, составляющие закон. Они вечны и неизменны, то есть их нельзя сделать не бывшими, их нельзя изменить или перестроить мышлением» [Мамардашвили 2019: 219–220]. Также М. К. Мамардашвили указывал, что «исторические законы есть генеративные, или порождающие, законы, и мы должны их вводить, потому что иначе мы не можем объяснить появление определенных явлений в мире, потому что мы видим, что для них как таковых нет никаких оснований» [Там же: 214].

В то же время С. С. Алексеев писал о праве как об особом механизме в социальной системе, призванном «реализовать и поддерживать устойчивость и непрерывность функционирования в заданных параметрах общества» [Алексеев 2010b: 51]: «Ведь свойства права – его всеобщность, общеобязательная нормативность, способность строго фиксировать по содержанию возможное и должное поведение людей, а также способность наиболее мощно, силой государственного принуждения обеспечивать такое поведение – как бы специально приспособлены для того, чтобы сложившиеся в обществе отношения надежно сохранились такими, „как они есть“ (а если и совершенствовались, развивались, то только в контексте такой „данности“). И чтобы они в стабильном и устойчивом виде функционировали непрерывно во времени, всегда, „вечно“... Но в человеческой культуре нет иного инструмента, кроме права, который бы обеспечивал это воспроизводство не только с информационно-организационной стороны, но и на всеобщей, твердой, постоянной, непрерывно функционирующей основе...» [Там же: 52–53].

Рассмотренные вопросы тем не менее не исчерпывают весь спектр выявленных С. С. Алексеевым проблем в исследуемой сфере. Возникают еще как минимум два взаимосвязанных вопроса.

Первый – вопрос о связи исторических и социальных законов (в том числе «закона законов») в терминологии М. К. Мамардашвили и права, рассматриваемого, по выражению С. С. Алексеева, «в единстве с законом» [Алексеев 2010b: 52] в юридическом смысле. Он тесно связан с давно обсуждаемой в теории государства и права более широкой проблемой правового регулирования и соци-

альной организации, социальных отношений и правоотношений.

Второй вопрос связан с проблемой, которую условно можно назвать эволюцией права: если все «вечно», «неизменно», «непрерывно во времени», «постоянно», «циклично», «подчинено кругообороту», «крутится» и «крутится», есть ли здесь место эволюции, развитию, изменению, и какие механизмы в праве или вне права обеспечивают этот процесс? Или, если ответ отрицательный, просто одна система погибает, и возникает новая, то какому механизму подчиняется этот процесс?

О зависимости права от «глубоких природно-социальных основ жизнедеятельности людей» С. С. Алексеев писал: «Существует еще одна сторона уточняющей характеристики права как нормативной системы, его функции по воспроизводству социальной системы. Позитивное право – это не только... „выражение“ глубоких природно-социальных основ жизнедеятельности людей.

С. С. Алексеев писал о праве как об особом механизме в социальной системе, призванном «реализовать и поддерживать устойчивость и непрерывность функционирования в заданных параметрах общества»

Оно во многом потому „и есть“ такого рода выражение, что призвано утверждать эти основы в обществе, т. е. обеспечивать реализацию принципов цикличности, кругооборота отношений и процессов, их непрерывного постоянства во всем общественном организме, притом в условиях разумной теоретической деятельности индивидов. Реализации той объективной потребности, в ответ на которую во многом и сложилось позитивное право с рядом уникальных свойств, выраженных во всеобщности, общеобязательной нормативности, возможности строгой определенности по содержанию, высокой обеспеченности, государственной гарантированности» [Алексеев 2010b: 53–54].

По мнению С. С. Алексеева, для эволюции права общественная система должна пережить изменение «своих качеств и особенностей», т. е. должен измениться режим ее информационно-организационного построения [Там же: 52].

А вот что М. К. Мамардашвили писал о праве: «Здесь мы имеем дело с такими органами, которые являются в то же время искусственными изобретениями (они природой не рождаются). Это неприродные, или, если угодно, искусственные органы, расширяющие набор органов, который дан нам природой. Такие общности, или такие социальные формы, которые называются правом, моралью, искусством, наукой, государственностью, – все это органы, или артефакты, и имеют изобретенное, или искусственное, происхождение» [Мамардашвили 2019: 151]. Можно предположить, что именно их Мераб Константинович называл носителями «когерирующих лучей, импульсов, линий когеренции... это структуры, способные дальше внутри себя генерировать структурные состояния (структурные состояния, генерируемые структурами)» [Там же: 259]. Сами исторические законы он характеризовал следующим образом:

1) те явления, между которыми закон «устанавливает связь, приведены к некоему однородному и простому виду» (закон «без гомогенности объединяемых явлений не имеет смысла» [Там же: 218]);

2) законы, «случившись, вечны и неизменны» («в том числе потому, что закон описывает то состояние дел, которое он сам же порождает своим существованием и действием» [Там же: 220]);

3) законы имеют дело «с простыми объектами», к ним «неприложимо логическое отношение, называемое „состоит из“, когда есть некоторые дистинктные объекты, которые состоят из дистинктных же частей» [Там же: 256], они не «состоят из» («когда мы руководствуемся единицей рационального действия, мы разрушаем любую возможность понимания социально-исторических процессов» [Там же: 245]);

4) с историческими законами «мы находимся в сфере *соответствий* (не причинных связей, а гармонических соответствий) почти что в символическом смысле (то есть в символической теории литературы и в поэзии имевшемся) – в смысле *correspondance*» [Там же: 248];

5) и главное: под законом законов «я понимаю фактически систему отсчета так, как она может определяться в социально-историческом мышлении» [Там же: 246].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает следующий тезис М. К. Мамардаш-

вили: «Тем самым законы, исторические законы (я их беру просто со стороны свойств, которые всем им присущи) есть одновременно и исток в философском смысле, начало вещей, начало мышления (закон ведь порождает состояния), и принцип мышления. И исток, и принцип, повторяю, – закон порождает то состояние вещей, которое он же описывает. Значит, он исток, начало и принцип – принцип мышления» [Там же: 221]. Таким образом, в очередной раз мы приходим к тезису о «решающей роли навыка теоретического мышления в перестройке культурной парадигмы» [Петров 1987: 101].

Подводя итог, можно подчеркнуть, что С. С. Алексеев видел в праве «социальное образование, обеспечивающее такую непрерывную динамику функционирования общества, при которой достигается постоянное и стабильное воспроизводство и, следовательно, сохранение и утверждение (своего рода „увековечение“) выраженных в праве социальных ценностей, условий и механизмов функционирования общества» [Алексеев 2010b: 50]. Именно это М. К. Мамардашвили называл парадоксом, «который особенно часто выступает в социальных исследованиях», и одновременно «чудом» и «началом философского удивления»: «Чудом является пребывание, дление порядка. Причем оно осуществляется на довольно больших пространственных и временных расстояниях. Каким образом? Каким образом происходит согласование в однородных точках пространства и времени, такое согласование, которое вовсе не гарантировано никаким само собой идущим, естественным ходом событий? Скорее, наоборот, естественным ходом событий гарантирован распад» [Мамардашвили 2019: 257].

Можно сделать вывод о том, что юридические и философские исследования, используя различные методы, тем не менее имеют некоторые точки соприкосновения или линии пересечения. Эта взаимосвязь во многом условна: научные проблемы как будто проецируются на ортогональные плоскости – философскую и юридическую. В то же время ее можно считать контекстуальной: философские идеи являются своего рода контекстом для юридических, а юридические соответственно – для философских. Комплексный подход к освоению юридической действительности дает возможность рассматривать научную проблему с разных сторон. Это бе-

зусловно расширяет наши представления о самом предмете исследования – праве как нормативной системе, – делает его понимание более глубоким, а также позволяет пролить свет на некоторые аспекты творчества С. С. Алексеева и М. К. Мамардашвили.

Список литературы

Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010а. Т. 4. 544 с.

Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010б. Т. 6. 558 с.

Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2007. 224 с.

Малинова И. П. Философия права (от метафизике к герменевтике). Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1995. 100 с.

Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019. 352 с.

Маркова Л. А. Наука на грани с ненаукой. М.: Канон+, 2013. 336 с.

Петров М. К. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 100–109.

Стёпин В. С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018. 28 с.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М.: Рос. акад. наук; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Инфра-М, 2020. 176 с.

Дмитрий Владимирович Грибанов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права им. С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: dvgribanov@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-7416-1745

Алина Антоновна Соловьёва – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права им. С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: araukaria@yandex.ru.

ORCID: 0009-0000-5122-5777

Law as an «Ontological Abstraction of Order» (In the Context of S. S. Alexeev and M. K. Mamardashvili Writings)

The authors analyze the texts of prominent figures in legal science – S. S. Alexeev – and in philosophical thought – M. K. Mamardashvili. An attempt is made to identify possible points of intersection in the study of the social regulation peculiarities. The subject matter is a specific statement by S. S. Alexeev, in which, referring to M. K. Mamardashvili, he proposes to consider law as an «ontological abstraction of order». Taking into account the differences in the methods used by legal science and philosophy, the authors of the research consistently pose and solve three questions, translating them first into philosophy (quoting M. K. Mamardashvili), and then into the law (quoting S. S. Alexeev). Firstly, what does «ontological abstraction of order» mean? Secondly, what does abstraction mean in the «ontological abstraction of order»? Thirdly, what is «self-reproducible order» in relation to «ontological abstraction of order»?

The paper concludes that an integrated approach to the development of legal reality makes it possible to consider the scientific problem of law as a normative system from different angles. This

expands the understanding of the subject of research itself, makes it deeper, and also allows shedding light on some aspects of S. S. Alekseev and M. K. Mamardashvili writings.

Keywords: philosophy of law, law, normativity, social regulation, legal regulation, legal norm, legislation

Recommended citation

Gribanov D. V., Solovyova A. A. Pravo kak «ontologicheskaya abstraktsiya poryadka» (v kontekste nauchnykh trudov S. S. Alekseeva i V. K. Mamardashvili) [Law as an «Ontological Abstraction of Order» (In the Context of S. S. Alexeev and M. K. Mamardashvili Writings)], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 4–10, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-4-10.

References

Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy: The Experience of a Comprehensive Study], Moscow, Statut, 1999, 712 p.

Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 10 vols., Moscow, Statut, 2010b, vol. 6, 558 p.

Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 10 vols., Moscow, Statut, 2010a, vol. 4, 544 p.

Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. *Budushchee prava. Nasledie akademika V. S. Stepina i yuridicheskaya nauka* [The Future of Law. The Legacy of Academician V. S. Stepin and Legal Science], Moscow, Ros. akad. nauk; In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii; Infra-M, 2020, 176 p.

Levin G. D. *Filosofskie kategorii v sovremennom diskurse* [Philosophical Categories in Modern Discourse], Moscow, Logos, 2007, 224 p.

Malinova I. P. *Filosofiya prava (ot metafizike k germenentike)* [Philosophy of Law (from Metaphysics to Hermeneutics)], Ekaterinburg, Izd-vo UrGYuA, 1995, 100 p.

Mamardashvili M. *Vil'nyusskie leksii po sotsial'noi filosofii (Opyt fizicheskoi metafiziki)* [Vilnius Lectures on Social Philosophy (Experience of Physical Metaphysics)], Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019, 352 p.

Markova L. A. *Nauka na grani s nenaukoi* [Science on the Verge of Non-Science], Moscow, Kanon+, 2013, 336 p.

Petrov M. K. *Pentekontera. V pervom klasse evropeiskoi shkoly mysli* [Pentekontera. In the First Grade of the European School of Thought], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1987, no. 3, pp. 100–109.

Stepin V. S. *Sovremennye tsvivilizatsionnye krizisy i problema novykh strategii razvitiya* [Modern Civilizational Crises and the Problem of New Development Strategies], Moscow, 2018, 28 p.

Dmitry Gribanov – doctor of juridical sciences, professor, head of the Department of theory of state and law named after S. S. Alekseev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: dvgribanov@yandex.ru.
ORCID: 0000-0001-7416-1745

Alina Solovyova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of theory of state and law named after S. S. Alekseev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: araukaria@yandex.ru.

ORCID: 0009-0000-5122-5777

Дата поступления в редакцию / Received: 28.06.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 22.07.2024